Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

DOI:10.17951/we.2019.5.1.145-164 | Wschód Europy • Восток Европы • East of Europe vol 5, 1 / 2019

Ольга Сиденко
ORCID: 0000-0002-5303-2319
Воронежский государственный университет, Россия

К вопросу о национальном строительстве в постсоветской России в контексте «отложенного» транзита

1. Концептуальные основания рассмотрения проблемы

Отмирают ли нации в условиях глокализации, сетевизации социальных отношений, формирования мирового конституционализма и «технозон» (термин Эндрю Барри), пересекающих границы государств? Обречён ли мир на «новый трайбализм»[1]. Исследователи всё больше склоняются к мысли, что в условиях, когда процессы работают на разрыв ткани государственности, когда системы публичного управления претерпевают глубокую трансформацию, государства лишаются общества, гражданская нация фактически становится залогом выживания политии[2]. Особую значимость нациестроительство обретает в переходных обществах. Срыв демократического транзита в постсоциалистической России лишний раз подтверждает тезис Данкварта Растоу о зависимости становления демократии от национальной консолидации. Наличие национального единства в его модели выступает важнейшим предварительным условием демократии[3]. Не менее важно избежать раскола, чрезмерной поляризации и в ходе самого демократического транзита. Утрата чувства общности, эрозия политического обязательства чреваты серьёзными сбоями в функционировании механизмов, как политического представительства, так и властвования.

В научной литературе существует множество подходов к исследованию феномена нации и национального строительства. На постсоветском пространстве прослеживается значительное влияние политтехнологической логики, в соот-

[1] M. Maffesoli, *The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society*, London, 1996.
[2] К. Хюбнер, *Нация от забвения к возращению,* Москва, 2001.
[3] Д. Растоу, *Переходы к демократии: попытка динамической модели,* „Политические исследования", 1996, № 5, с. 5–15.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

ветствие с которой реалии в восприятии политических «демиургов» – не столько объективные ограничения, сколько преодолимые препятствия. Велика роль манипулятивной составляющей в политическом процессе. Нация конструируется, причём с плохо просчитываемыми последствиями. Феномен целесообразно рассматривать в качестве «воображённого политического сообщества», характеризующегося локализацией и суверенностью[4]. Под политической (гражданской) нацией понимается «политическая форма поддержания общей идентичности, распространяющая политические права на всё дееспособное население и получающая взамен легитимные возможности его мобилизации»[5]. Некоторые исследователи предпочитают разводить понятия политическая и гражданская нация (Э. Паин, Владимир Мукомель), подчёркивая, что для существования последней необходим высокий уровень гражданского самосознания и активное гражданское общество. В российском официальном дискурсе политическая нация предстаёт как антитеза этнонационализму, но без подлинного народовластия[6].

Конструируемость наиболее рельефно подчёркивается термином национальный инжиниринг (national engineering), используемым в англоязычной литературе как синоним национальному строительству. В качестве инструментов такового рассматриваются: развитие национальных медиа и их регуляция; языковая и образовательная политики; гражданское, патриотическое и военно-патриотическое воспитание; мифологизация патриотических войн; конструирование национальных символов и праздников; переименование населённых пунктов, улиц, объектов инфраструктуры; поддержка спорта, искусства, науки, нацеленные на укрепление чувства национальной гордости; повышение общественного статуса религии, тесно связанной с национальной идентичностью и др. Основной задачей проекта национального строительства в современных условиях является интеграция разнородных элементов в «социетальную культуру», понимаемую не столько в классическом этнографическом ключе, сколько как матрицу, основанную на общем языке и/или социетальных институтах, обеспечивающих чувство общности[7].

На вопрос о том, может ли государство, озаботившееся вопросом формирования, укрепления национальной идентичности, быть нейтральным с этно-

---

[4] Б. Андерсон, *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*, Москва, 2001, с. 30.

[5] *Политическая идентичность и политика идентичности*, в 2 т. Москва, 2011. Т.1: *Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий*, ответственный редактор, под редакцией. И.С. Семененко, с. 86.

[6] А. Верховский, *Современное дискурсивное противостояние русских националистов и федеральных властей,* „Вестник общественного мнения", №4(110) октябрь-декабрь 2011, с. 17.

[7] W. Kymlicka, *Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*, [in:] *Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*, W. Kymlicka and M. Opalski (eds.), Oxford, 2002, p. 19.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

культурной точки зрения, исследователи отвечают по-разному. Майкл Уолцер, обосновывая примат свободного гражданского общества[8] и апеллируя к опыту США[9], утверждает, что может. Однако, гипернация – скорее уникальный, нежели типичный случай. Модель либерального плюрализма, этнически инклюзивного «конституционного патриотизма» в этом плане существенно выигрывает, она более применима. Более того, Уилл Кимлика, ссылаясь на предписания, касающиеся английского языка (своего рода кровеносной системы социетальной культуры), доказывает, что этнокультурная нейтральность государства – миф даже для США. Ни гражданская нация, ни государство, по его мнению, не могут в этнокультурном плане быть нейтральными, однако им следует быть инклюзивными.

Исследователи справедливо подчёркивают амбивалентность национализма, чья энергия может использоваться и для достижения равных возможностей, экономического развития, социальной справедливости, демократизации, так и способствовать укреплению шовинизма, ксенофобии, милитаризма, ущемлению прав этнических и конфессиональных меньшинств. Трудно не согласится с Чарльзом Тейлором в том, что процесс национального строительства неизбежно ставит в привилегированное положение представителей большинства, хотя бы с точки зрения языка. Меньшинствам остаётся либо интегрироваться, либо бороться за свои права, либо эмигрировать, либо принять перманентную маргинализацию[10].

Принимая во внимание не только проведение политики ассимиляции на постсоветском пространстве, но и фактический отказ от политики мультикультурализма, представляется крайне важным отслеживать моральную сторону национального строительства. Вэйном Норманом была разработана серия маркеров, позволяющих оценить методы и инструменты, используемые политическими акторами и государственными институтами: нарушаются ли базовые права и свободы человека и гражданина; в какой мере демократические процессы искажаются из-за постоянной манипуляции общественным мнением; создаётся ли образ «врага» и т.д.[11].

Стержнем процесса национального строительства выступает формирование коллективной идентичности, обеспечивающей легитимацию публичной власти. Всеобъемлющая коллективная идентичность обретает устойчивость, когда она теснейшим образом связана с социальными и политическими практиками. «Социальная формация воспроизводит себя как нация только в той мере, в какой

[8] M. Walzer, *The Civil Society Argument* [in:] *Dimensions of Radical Democracy: Pluralism, Citizenship and Community*, ed. by Chantal Mouffe, London, 1992, p. 89–107.

[9] M. Walzer, *What Does It Mean to Be an "American"?*, „Social Research", Vol. 71, №3: Fall 2004, p. 633–654.

[10] W. Kymlicka, op. cit., p. 22.

[11] N. Wayne, *Negotiating nationalism. Nation-building, federalism, and secession in the multinational state*, New York 2006, p. 43–57.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

через сетку повседневных механизмов и практик индивид институционализируется в качестве homo nationalis»[12].

В аспекте гражданственности нация, res publica и демократия оказываются теснейшим образом связанными. Политический проект, предлагаемый элитой, должен получить поддержку широких слоёв населения. Кроме того, сообщество граждан трудно представить вне правового поля и набора гражданских добродетелей. Чувство общности, являющееся важнейшим атрибутом республиканизма, обеспечивается благодаря не только определённым образом организованному символическому пространству, рождающему «моральное сознание» (нация как духовный принцип, базирующийся как на обладании «богатым наследием воспоминаний», так и «на общем согласии, желании жить вместе» у Эрнеста Ренана[13]), но и глубокому горизонтальному товариществу, существующему наряду с иерархиями и неравенством. Стефано Бартолини совершенно справедливо указывает на то, что лояльность как психологическое состояние, увеличивающее издержки «выхода» и стимулирующее «голос», основано на доверии, солидарности, идентичности и социальном капитале[14].

Гражданская нация немыслима без идеи общего блага. Таковая с трудом вырабатывается в условиях растущей социальной поляризации, усиления манипулятивной составляющей в политической коммуникации и преобладания идеократических сообществ[15]. Вносит свою лепту и разнородность общества. Как отмечает Роберт Дестро, «когда национальное государство этнически, религиозно, культурно однородно, вопрос определения релевантной общности, „общего блага" и природы социальных обязательств легче, чем в плюралистических обществах»[16].

Относительно роли политического мифотворчества в процессе национального строительства исследователи склоняются к тому, что она весьма значительна. Так Этьен Балибар акцентирует внимание на метаморфозе проекта и предназначения – ключевой иллюзии нации. Правящая элита, обеспечивая легитимацию, пытается презентовать проект именно как предназначение. Национальная идея предстаёт в качестве попытки «связать индивидуальное бытие

[12] Э. Балибар, *Национальная форма: история и идеология*, [в:] *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*, под редакцией Э. Балибара и И. Валлерстайна, Москва, 2004, с. 100.

[13] Э. Ренан, *Что такое нация?*, [в:] Э. Ренан, *Собрание сочинений в 12-ти томах*, т.6, Киев, 1902, с. 87–101.

[14] S. Bartoliny, *Restructuring Europe. Centre formation, system building and political structuring between the nation state and the European Union,* New York, 2005, p. 29.

[15] Э. Геллнер, *Условия свободы. Гражданскаое общество и его исторические соперники*, Москва, 1995.

[16] R. Destro, *Religion, Culture, Ethnicity and Inter-Group Tension: Meeting the Challenges of Nation-Building Through Legal Policy of Non-discrimination, Religion in Public Life*, [in:] Vol. II *Religion and Political Structures: from Fundumentalism to Public Service*, ed. by Jorn T. Ford, Robert A. Destro, Charles R. Bechert, Washington, 2005, p. 165.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

с коллективным нарративом», а патриотизм и национализм в качестве «идеологической формы „производства народа", одной из религий Нового времени»[17]. Степень рационализации или же дерационализации патриотизма может быть объяснена, прежде всего, характером предлагаемого проекта. Идея народа, подлинно принимающего свою «историческую Судьбу»[18], достигает апогея в условиях тоталитаризма, при этом потребность человека в переживании своего существования как включённого в значимое целое становится основополагающей, а ценность отдельно взятой человеческой жизни девальвируется. И. Валлерстайн и Э. Смит указывают на практически неизбежную мифологизацию прошлого. Будучи моральным феноменом, «сознание прошлого» всегда связано с политическим моментом[19]. Э. Смит рассматривает националистическую идеологию как «политическую археологию», при помощи которой элита пытается вызвать у населения максимальную эмпатию по отношению к прошлому[20]. Мифы о происхождении, избранности, «священной земле», «золотом веке» истории, великой судьбе, единожды возникнув, становятся важной частью символических ресурсов. Они подвергаются реинтерпретации сообразно потребностям элит, но никогда не утрачивают своей значимости. Таким образом, определённая ретроспекция становится неизбежной, однако без общественно-политического проекта, способного обеспечить временной континуум и желаемое будущее, она будет вести исключительно к манипуляциям и застою.

Идеология национального строительства определяет, какой должна быть интегрирующая культурная матрица. Фактически культура становится полем, где идентификационные отличия обретают значимость, а символическая политика придаёт им тот или иной вес. Кроме того, очерчиваются границы пространств: публичного и частного, структурированных и лиминальных. В основе выделения последних нередко лежит политизация культурных различий, в своём экстремальном выражении приводящая к тому, что правящие элиты могут избрать в отношении тех или иных социальных групп политику исключения[21]. Прежде всего, это касается этносов, хотя советский опыт с его классовым принципом инклюзии, заставляет расширить диапазон возможных вариантов.

Глобальный характер трудовой миграции, мировизация хозяйственных связей, открытое информационное пространство и использование государствами мягкой силы наряду с традиционными формами продвижения национальных

[17] Э. Балибар, op. cit,, с. 101, 113.

[18] С. Жижек, *Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии*, Москва, 2014, с. 42.

[19] И. Валлерстайн, *Конструирование народа: раса, нация, этническая группа*, [в:] *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*, под ред. Э. Балибара, И. Валлерстайна, Москва, 2004, с. 92, 93.

[20] A. D. Smith, *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach,* New York, 2009, с. 66–70.

[21] H. Mylonas, *The Politics of Nation-Building: Making Co-Nationals, Refugees, and Minorities,* Cambridge, 2013.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

интересов заставляют уделять особое внимание интегративным свойствам социума, качеству организации среды и деятельности. Предполагается, что полития должна быть способной поддерживать главенствующее положение гражданской идентичности в иерархии идентичностей, обеспечивать кооперацию и надлежащее функционирование институций. Особую роль играют правопорядок и установка на подчинение закону.

2. Условия и факторы национального строительства в постсоветской России

Утрата восприятия закона как основы социальных связей и разрешения конфликтов чревата масштабной дезинтеграцией политического пространства. Постсоветские страны в этом отношении характеризуются неблагоприятными условиями. Фактически там не было верховенства права в его либеральном понимании, что существенно снизило шансы и на демократическое развитие[22], и на создание гражданской нации.

Процессы системной трансформации не только в России, но и в других республиках бывшего СССР отличались крайней асинхронностью. В аспекте нациестроительства это становится очевидным, если использовать матрицу анализа, предложенную С. Бартолини. Каналы и организации, предназначенные для политического представительства (опция «голос») стали формироваться раньше, чем укрепились связи солидарности и культурной общности, увеличивающие издержки «выхода» и поддерживающие систему. Поскольку «способность центра контролировать проницаемость границ на системном уровне соответствует индивидуальным выборам выхода»[23], невозможность в 1990-е годы заставить акторов придерживаться каких-либо норм вылилась в «утечку мозгов», бегство капиталов и масштабную деформализацию практик.

Следствием российской дуалистической трансформации стала фактическая утрата управляемости, заблокировавшая создание единого «административного пространства», необходимого для эффективной реализации политических проектов государства. То есть национализм как «способ осуществления и следствие» стратегии упорядочивания[24] попросту не возник. В 1990-е годы в России пытались построить демократию без нации и правового государства, а в настоящее время нацию без демократии в крайне неблагоприятных условиях «„интериоризации хаоса", поглощения энтропии государством»[25]. Разрушение сложного социального порядка привело к усилению этно-конфессиональной составляющей в наборе идентичностей, замещению рухнувших вместе с СССР вторичных

[22] Ibid, p. 590.

[23] S. Bartoliny, op. cit., p. 54.

[24] И. Валлерстайн, op. cit., с. 97.

[25] В. Пастухов, *Просвещённый авторитаризм и независимость суда (возрождение консервативной утопии)*, „Общественные науки и современность", 2010, №2, с. 18.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

структур этнонационализмом. Из трёх кодов определения границ нации – примордиалистского, цивилизационного и культурного[26] – в настоящее время преобладающими являются первые два.

Слабость государства привела к ещё одному негативному следствию – круг бенефициариев, получавших львиную долю общественных благ, приобрёл этническую и, нередко, криминальную окраску. Как справедливо указывает Андреас Виммер, хорошо развитые сети общественных организаций могли бы увеличить шансы на преодоление этнических размежеваний и таким образом предотвратить политизацию этничности[27], однако экономические потрясения значительно сузили ресурсную базу третьего сектора.

Сообразно доминирующей в российских правящих кругах политтехнологической логике фреймы, связанные с проблематикой общего блага, оказалось проще выстраивать с опорой на широко распространённые стереотипы, как то: мессианство, великодержавность и т.д. Рост национал-консервативных настроений окончательно закрепил конструирование национального нарратива как «usable past», пользуясь терминологией Рафаэля Утза[28]. Существующий политический порядок, таким образом, легитимируется, а исторический опыт, способный подпитывать альтернативное видение, элиминируется. Магистральным трендом является затушёвывание демократического начала, свободомыслия в пользу безусловного примата государства и соборности. Особенно одиозными выглядят попытки реабилитировать сталинизм. Обеспечивает ли всё это жалеемый верхами эффект? Как показывают исследования, отношение к важнейшим вехам российской истории у консервативного большинства, либерального меньшинства, молодёжи и среднего класса различаются, таким образом, формируется не столько общая, сколько групповая историческая идентичность. Что гораздо более важно, ценности и особенности сознания этих групп продуцируют несовпадающее видение желаемого будущего[29]. Накапливается конфликтогенный потенциал.

Для современного российского процесса нациестроительства особую значимость приобрели цивилизационные кливажи, ставшие не только следствием политических технологий, используемых властвующей элитой, но и результатом усиления геополитической конкуренции, распространившейся на пространство бывшего СССР. Фактически мы наблюдаем «неоправданную экспансию геополитического силового фактора в сферу культурно-цивилизационной иденти-

[26] S. Bartoliny, op. cit., p. 33, 34.

[27] A. Wimmer, *Nation Building. A Long-Term Perspective and Global Analysis*, „European Sociological Review", 2014, Vol. 0, No. 0, p. 5, 6.

[28] R. Utz, *Nations, Nation-Building, and Cultural Intervention: A Social Science Perspective*, Max Planck Yearbook of United Nations Law, Vol. 9, 2005, p. 628.

[29] Л. Бызов, *Становление и история Новой России через призму современных общественных противоречий*, „Общественные науки и современность", 2018, №4, с. 58–75.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

фикации»[30]. Трудно не согласиться с Алексеем Кара-Мурзой в том, что подмена и смешение культурно-цивилизационного и геополитического призвания России представляют для неё серьёзную опасность.

Как отмечают А. Верховский и Э. Паин, идея «особой тысячелетней цивилизации, предопределяющей „особый путь" России» фактически была канонизирована Кремлём[31]. Как следствие, соответствующий идейный продукт производят не только пропагандисты, но и исследователи. Построения и одних, и других «служат формой идеологического запрета на заимствование или выращивание демократических институтов в России»[32], сохраняя авторитарную сущность власти и блокируя формирование гражданского национализма. Поскольку «русский этнонационализм является для властей заведомо неприемлемой стратегией, так как провоцирует подъём этнонационализмов меньшинства и чреват конфликтами», единственным, приемлемым для правящих кругов средством консолидации общества выступает цивилизационный национализм»[33]. Правда, перспектива, в этом случае не радужна – архаика, консервация этики кланового общества, антимодернизм и очередной, на этот раз, некоммунистический тупик.

Дополнительные проблемы связаны с имперским наследием и тоталитарным прошлым. Российский социум длительное время развивался в рамках империи. Как следствие, закрепились такие черты как: структурная гетерогенность (административно-территориальные единицы управлялись по разным законам, а к разным категориям населения применялись различные нормы); слабо консолидированные границы; непрямая система управления; организация общества вокруг неформальных связей, а не формальных институций; мессианство вместо организации внутреннего пространства в качестве магистральной цели[34]. В ходе тоталитарного процесса одни из них были преодолены, другие же, наоборот, получили дальнейшее развитие. Так, переустройство основ жизнедеятельности затронуло даже бытовой уровень, возникла специфическая общность – советский народ, разделявшая идеи пролетарского интернационализма и развивавшаяся в условиях жёсткого идеологического противостояния. Сформировался специфический симбиоз тоталитарной мобилизации, администрирования и нерыночного обмена. В свою очередь, патерналистски настроенное общество двойных стандартов породило социокультурные и психологические феномены,

---

30 *Идентификационный дуализм российской цивилизации: европейская культура versus евразийская власть*, http://www.ino-center.ru/news/doc/228_kara-murza.pdf, инф. от 16.VIII.2016 года.

31 А. Верховский, Э. Паин, *Цивилизационный национализм: российская версия особого пути*, [в:] *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия*, под ред. Э.А. Паина, Москва, 2010, с. 175.

32 Ibid., с. 189.

33 Ibid., с. 201.

34 Е. Мелешкина, *Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций*, Политическая наука: научный журнал РАН ИНИОН, Москва, 2013, №3, с. 13–16.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

отличающиеся значительной инерционностью. Низкая общественно-политическая активность, непонимание значимости повседневной институциональной работы в поле публичной политики, слабая способность к формированию политической повестки дня снизу, установки на адаптацию и подчинение, а не на отстаивание своих прав и проявление солидарности являются трудно преодолимым тоталитарным балластом.

РФ не просто была одной из республик союзного государства, она выступала в качестве «большого брата» – ядра советской системы. Русский этнос в значительной мере растворился в советской идентичности. Показательно, что в начале 1990-х годов подавляющее большинство русских в качестве родины указывало СССР, а не просто РФ, в отличие от грузин или молдаван. После провала советского проекта, ставшего своего рода миссией, предстояло снова обрести себя. Однако преодоление наследия времён «реального социализма» для России, прежде всего, означало изменение вектора политического развития, в то время как для братских народов это оказалось сопряжённым с диспозицией ядро-периферия.

Правящие элиты не устояли перед искушением использовать образ врага в лице России для национальной консолидации, усиливая фобии и порождая недоверие. Кроме того, большинство постсоветских государств исключили двойное гражданство и изменили статус русского языка, к чему русскоговорящие оказались абсолютно не готовы: подавляющее большинство не владело в должной мере языком титульного этноса. Свидетельством неблагополучия стала вынужденная эмиграция русскоязычного населения. Внёс свою лепту и экономический кризис, усиливший трудовую миграцию.

В российском обществе всё острее ощущались психологическая травма, вызванная утратой статуса великой державы, и нежеланием нести бремя ответственности за тоталитарное прошлое в одиночку. Как справедливо отмечает Л. Д. Гудков, «сознание хронической ущербности чрезвычайно болезненно, оно оказалось не менее болезненным, чем падение жизненного уровня в середине девяностых годов». Компенсаторные функции великодержавности снова оказались востребованными. На второй позиции в «списке массовых требований к будущему президенту в 1998-1999 годах» после «вывода страны из кризиса» находилось «восстановление статуса великой державы»[35].

Дополнительным отягчающим фактором выступил этнонационализм в республиках РФ, спровоцировавший актуализацию проблемы прав большинства. На уровне массового сознания она фиксируется через популярность лозунга «Россия – для русских». По данным Левада-Центра уровень поддержки соответствующей идеи не опускался ниже 50%, начиная с 2001 года. Наивысшей точки он достиг в 2013 г. Доля тех, кто высказался за её полную реализацию, соста-

[35] Лекция Льва Гудкова *Имморализм посттоталитарного общества в России*, http://www.levada.ru/2016/07/26/immoralizm-posttotalitarnogo-obshhestva-v-rossii/, инф. от 14.VIII.2016 года.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

вила 23% опрошенных; сторонников осуществления, но в «разумных пределах» оказалось 43%[36]. Тем не менее, было бы неверно интерпретировать эти цифры в логике прямого формирования социальной базы крайне правых, скорее они отражают возросший этноцентризм сознания большинства. Тезис подтверждается данными опроса научно-исследовательского центра Института социологии РАН, проводившегося в 2018 году. В качестве ценности, на которой должно строиться будущее России, лозунг «Россия в первую очередь для русских» указали лишь 12% респондентов[37]. Правящие круги вполне осознают риски, однако пытаются использовать умеренные проявления этнонационализма в своих интересах и вынуждены реагировать на усиливающийся социальный запрос на национально ориентированную элиту. Кроме того, важно понимать, что децентрализация в условиях распада правового поля в РФ не привела к демократизации на местах. Местные, региональные, включая этнические, элиты отстаивали независимость от центра отнюдь не из любви к народовластию.

Своего рода ахиллесовой пятой формирования гражданской нации является отсутствие легитимного политического проекта развития (таковой подменяется мифотворчеством и манипулятивными технологиями). Модернизационная риторика в период президентства Дмитрия Медведева не только не привела к формированию чёткой стратегии, но и довольно быстро сменилась консервативной волной. Как следствие, в публичной плоскости произошло усиление архаики, не помешавшее, тем не менее, низовой модернизации (Элла Панеях, Виктор Вахштайн). Отставание развития публичной сферы от частной – мировой тренд, однако ситуация в России усугубляется кликократией[38] или, используя терминологию Дугласа Норта, Барри Вайнгаста и Джона Уоллиса, порядком ограниченного доступа. В результате мы наблюдаем попытки модернизировать публичное администрирование, адаптировать партийную систему, не допуская кардинальных изменений расклада политических сил и системы распределения ресурсов. К тому же нынешние условия для появления конструктивной альтернативы благоприятными никак назвать нельзя. Полноценный диалог и цивилизованная дискуссия скорее редкость, нежели правило.

При этом на период конца 2018 года исследователи отмечают, что общественный запрос на перемены активно формируется. Растёт число слабых и сильных, хотя и медленнее, связей (по данным проекта «Евробарометр в России: социальный капитал, уровень городского развития и образовательные стратегии (2012–2014)»), всё больше возникает проблемно ориентированных сетей сотрудничества. Поскольку устоявшийся инструментарий социологов слабо пригоден для замера

[36] Общественное мнение – 2015, Ежегодник, Москва, 2016, с. 198.

[37] *Благополучие дороже величия*, „Коммерсант", №203 от 06.11.2018, с. 3.

[38] А. Хлопин, *Институциональная среда*, [в:] *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка*, под редакцией С. В. Патрушева (отв. ред.), С. Г. Айвазовой, П. В. Панова, Москва, 2011, с. 38, 39.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

социальной активности в сетевом online-offline формате, действительный потенциал гражданской активности определить сложно, однако есть основания предполагать, что его накопление носит поступательный характер. Издержки «выхода» начинают расти не только из-за характера внешней политики, санкций, выбора особой цивилизационной идентичности. Всё явственнее желание видеть у кормила власти людей с государственным мышлением. То, что правящие круги, мягко говоря, далеки от идеала, актуализирует вопрос о механизме властвования. Как следствие, отправная точка формирования нации граждан – вопрос «Кто мы по отношению к власти?» снова попадает в мировоззренческий фокус населения.

Без поиска баланса между централизацией и децентрализацией, свободой и политическими обязательствами, технократизмом и политической ответственностью, а также без гражданской активности и открытости власти проблемы российской политии не решить. Результаты качественных исследований, проводимых Левада-Центром, показывают, что на уровне массового сознания появилось чувство ожидания. Стали задаваться вопросом: «А что будет со страной?». Важно понимать, что государственность воспринимается как безусловная ценность. Число тех, кто гордится нынешней Россией, возросло с 48% в 2006 году до 67% в 2017 г.[39].

Таким образом, можно сказать, что окно возможностей стало шире. Является ли это поводом для безудержного оптимизма? Отнюдь, скепсис внушает то, что: население чаще декларирует, нежели борется за свои принципы и идеалы; некоммерческие и неправительственные организации предпочитают держаться как можно дальше от политики; экспертное сообщество расколото; публичный дискурс перегружен мифологемами и до крайности поляризован, к услугам правящей элиты, заинтересованной в сохранении статус кво, весь политтехнологический арсенал и силовые ресурсы; местный и региональный уровни политии всё больше воспринимаются не как поле политики, а как пространство управления, т.е. формирование собственно политической повестки дня становится уделом федералов. Кроме того, процесс преодоления политической апатии, негативных экспектаций и недоверия находится лишь в самом начале.

Обобщая, следует признать, что соотношение негативных и позитивных факторов строительства гражданской нации в 2018 году изменилось, однако насколько долговременны эти изменения и к чему они приведут – вопрос открытый и во многом зависящий от того, как будут взаимодействовать элитные группы, самоорганизованные среды и массы. Внешнеполитический фактор в данном случае оставляется за скобками.

[39] Общественное мнение – 2017, Москва, 2018, с. 29.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

3. Субъекты процесса национального строительства в постсоветской России

Фактически аксиомой является тезис об ограниченной субъектности масс и не только в постсоветской России. Как отмечает И. В. Воробьёва, «интересы населения в большей степени концентрируются на ценностях „близкой дистанции повседневности человека"», и люди далеко не всегда улавливают «взаимосвязь между политикой и ситуацией в других сферах человеческой жизни»[40]. Этот тезис также подтверждается данными полученными в ходе исследования, проводившегося сотрудниками кафедры социологии и политологии ВГУ в рамках проекта «Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условия реализации» при поддержке РГНФ, грант 11-13-36001 а/ц. Первичная информация собиралась методом глубинного интервью. В качестве респондентов выступали представители потенциально инновационных групп, как правило, имевшие высшее образование и относительно высокий уровень дохода. В ходе беседы они, признавая наличие властных интересов, в редких случаях могли их ясно и чётко сформулировать. Политика не рассматривалась респондентами как сфера возможного приложения усилий. Причинами чаще всего выступали: занятость повседневными делами, стереотипное восприятие политики как «грязного дела» и отсутствие реальной перспективы, слабые возможности оказать влияние на положение дел[41]. По данным Левада-Центра подобные мотивы присущи и населению в целом. Кроме того, в число наиболее часто встречающихся объяснений отказа от активного участия в политике также вошли: отсутствие знаний механизмов работы органов власти; трактовка политики как сферы, не предназначенной для рядовых граждан («политикой занимаются власти»)[42].

Массовое политическое сознание не просто инертно, оно перегружено различными мифами и стереотипами, что облегчает манипуляции. Ознакомившись с данными опросов за четырёхлетний период, полученными Левада-Центром, можно прийти к выводу об отсутствии какой бы то ни было демократической перспективы. Однако решения властей, принятые в 2018 году и фактически означающие отказ от выполнения обязательств в рамках специфического «социального контракта» – политические права в обмен на материальное благополучие, изменили ситуацию если не в корне, то весьма значительно. Помимо роста недовольства властями, падения рейтинга не только «Единой России», правительства, но и главы государства, население снова ощутило, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Доля так называемых самодостаточных граждан почти достигла половины населения, а они, как известно, мыслят рационально.

[40] *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.)*, под ред. Ж. Т. Тощенко, Москва, 2016, с. 72.

[41] *Модернизационный потенциал Воронежской области: опыт исследования и условия реализации*, под ред. А. В. Глуховой, Воронеж, 2013.

[42] Общественное мнение – 2017, Москва, 2018, с. 41.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

Столь мучительно формировавшееся политическое обязательство, как моральное обязательство следовать предписаниям, рискует снова быть утраченным.

Россияне не хотят быть нацией с попранной справедливостью. По данным Института социологии РАН, в 2018 году актуальная и для 2014 года социальная справедливость, понимаемая как равенство всех перед законом и равные возможности для самореализации, существенно прибавила. Её как ценность, на которой должно строится будущее страны, указали 59% опрошенных. Возросла также значимость «прав человека, демократии, свободы самовыражения личности» с 27% (в 2014 году) до 37% (в 2018 году). За тот же период число сторонников «возвращения к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям» уменьшилось с 35% до 27%. Великодержавность в приоритете у 32%, а «сильная жёсткая власть, способная обеспечить порядок» – у 26% респондентов. Цифры по этим индикаторам не изменились. Как отмечает Владимир Петухов, «первым условием для приобретения статуса „великой державы" 67% россиян считают развитую современную экономику, вторым – высокий уровень благосостояния граждан (66%)». «Внешнеполитические составляющие статуса сохраняют важность для меньшинства»[43].

Усиление социального расслоения, падение уровня жизни, невоздержанность представителей правящих кругов в публичных выступлениях и демонстрация открытого пренебрежения к населению на фоне общего политического курса до предела обостряют противоречия между государственной олигархией и обществом. Фактически мы наблюдаем утрату символических опор в лице государства при актуализации потребности в подлинном республиканизме, при этом основная задача видится не в смене первых рядов в доступе к ресурсам, а трансформации самой системы их распределения в сторону порядка открытого доступа. Что касается, форм, это может быть тот или иной вариант мета-управления, делиберативная, «облачная» (концепт Леонида Волкова и Фёдора Крашенинникова) или иная демократия, всё, что позволит выйти из колеи «недостойного правления»[44]. К сожалению, нет уверенности, что критическая масса, необходимая для столь значимой общественной трансформации, сформировалась. К тому же аморфность системы базовых и инструментальных ценностей в общественном сознании, их противоречивость облегчает воздействие манипуляторам. Общая картина мира перманентно ретушируется.

Самоорганизованные среды фрагментарны, массы боятся проявлений собственного радикализма, означает ли это, что элиты в безопасности? Как показал опыт региональных выборов 2018 года, не означает, и предвидеть развитие событий становится всё сложнее. Буквально за считанные месяцы то, что воспри-

[43] *Благополучие дороже величия*, „Коммерсант", №203 от 06.11.2018, с. 3.

[44] В. Гельман, *Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня*, Санкт-Петербург, 2016.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

нималось в качестве стабильности, стало трактоваться как застой, а электоральный процесс неожиданно для верхов стал конкурентным.

Что же в состоянии предложить властвующая элита – ключевой игрок на поле национального строительства, действующий в условиях ресурсных ограничений, внутриэлитных раскладов, имеющая те или иные установки, так или иначе реагирующая на формирующийся социальный запрос? Особый путь? Как указывает В. Дубин, «особый путь» – вовсе не путь и даже не его указатель, а своего рода переключательное устройство в системе коллективной идентификации. Оно позволяет переходить в соотносительных характеристиках «мы» и «они» с институционального плана *специфических* требований или *универсальных* норм – через образы власти как инстанции, легитимирующей «*наш*» социальный порядок, – на *диффузный* код *партикуляристских* отношений между «*своими*»[45].

Особый путь превратился в клише, присутствующее в выступлениях политиков, публикациях в прессе, прослеживающееся на уровне массового сознания. По данным Левада-Центра, уже в 1999 году 72% опрошенных готовы были согласиться с мнением, что «Россия станет процветающей страной только за счёт самобытности, двигаясь своим особым путём». В 2014 году число таких респондентов возросло до 77%. Тем не менее, абсолютизировать эти данные не стоит. Во-первых, от 39 до 50 процентов опрошенных в разное время хотели бы видеть в идеале Россию в будущем «такой, как развитые страны Запада»[46]. Видимо, россиянам хотелось бы иметь европейские преимущества, избежав при этом так или иначе понимаемых европейских недостатков. Это, прежде всего: признание гомосексуализма в качестве социальной нормы, к чему подавляющее число соотечественников явно не готовы, и выхолащивание религиозного начала, на что особенно упирают столь одиозные издания как «Русский вестник». Актуализация проблематики религиозности обусловлена выстраиванием публичной традиционалистской риторики вокруг «духовных скреп», возврата «к корням», к православным традициям. Во-вторых, для почти половины респондентов не очевидно само своеобразие. По замеру, произведённому Левада-Центром в 2015 году, 21% не знали «в чем собственно выражается „особый путь”», ещё 14 % ничего не слышали об этом, 6% не думали, «что российское развитие должно отличаться от развития других стран» и 5% затруднились ответить[47].

Население с трудом понимает, в каком направлении движется Россия, какие цели поставлены перед ней ее нынешним руководством? По данным Левада-Центра, процент тех, у кого сложилось «довольно ясное представление» в период проведения замеров, т.е. с 2004 по 2017 гг. никогда не поднимался выше

[45] Б. Дубин, *Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России*, [в:] *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия*, под ред Э. А. Паина, Москва, 2010, с. 221.

[46] Общественное мнение – 2014, Ежегодник, Москва, 2015, с. 37.

[47] Общественное мнение – 2015, Ежегодник, Москва, 2016, с. 46.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

22%, а в 2017 году упал до самого низкого уровня – 13%. Довольно смутное представление в среднем за период имели 41% опрошенных россиян. Никакого представления не имелось в среднем у 30,5% респондентов, причём в 2017 году был зафиксирован максимум. В среднем почти 11% выразили уверенность, что «дела в стране пущены на самотёк»[48]. Показательно, что не только пропагандистские тексты, но и выступления официальных лиц не дают ясного ответа на обозначенный выше вопрос. Различного рода стратегии лишь инструмент, используемый в условиях утраты общей перспективы.

Противоречия самого разного плана нарастают, причём сможет ли своеобразная модель технократического авторитарно-сетевого правления существенно снизить их остроту, пока не понятно. Правящая элита пытается лавировать между Сциллой народовластия и демократизации и Харибдой этнонационализма. На стороне первой альтернативы: потребность в правопорядке, справедливости, усиление самоорганизации, низовой, бытовой модернизм, особенно рельефно проявляющийся в крупных городах. Вторая подпитывается архаизацией, психологией осаждённой крепости и ирредентистскими настроениями. Согласно данным Левада-Центра за 2014 год, 50% опрошенных хотели бы «чтобы Россия расширялась за счет территорий с компактным проживанием русскоязычного населения». Причина, прежде всего, в обеспокоенности дискриминацией русских в бывших республиках СССР (58% респондентов). Война в Украине и её последствия, видимо, оказали некоторое отрезвляющее воздействие – число полагающих, что «Россия имеет право присоединять к себе территории бывших республик СССР на основании заявлений о том, что проживающие там русские могут испытывать или уже испытывают ущемления своих прав» сократилось на 24% (с 58% в марте 2014 г. до 34% в марте 2015 г.). Динамика по данному показателю подтверждается так же ростом числа респондентов, предпочитающих видеть Россию в будущем в её нынешних границах – с 32% до 57% за тот же период[49]. По данным Института социологии РАН, в 2018 году лишь 7% указали «получение контроля над бывшими территориями СССР» в качестве условия для приобретения статуса великой державы[50]. Горячие головы, однако, продолжают рассуждать о «Русском Мире» и ориентироваться на денонсацию беловежских соглашений. Подобная риторика не может не настораживать соседние государства, в результате усиливается восприятие русскоязычного меньшинства как потенциальной «пятой колонны»[51]. Таким образом, круг рискует замкнуться.

Проблема «транзита власти», обусловленная дважды вторым сроком полномочий действующего Президента РФ в условиях нарастания антиистеблиш-

[48] Общественное мнение – 2017, Москва, 2018, с. 26.

[49] Общественное мнение – 2015, Ежегодник, Москва, 2016, с. 212, 211.

[50] *Благополучие дороже величия*, „Коммерсант", №203 от 06.11.2018, с. 3.

[51] *Игры соотечественников: русскоязычные меньшинства в прибалтийских государствах*, http://inosmi.ru/sngbaltia/20141024/223872978.html, инф. от 12.VIII.2016 года.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

ментской волны оказалась тесно связанной с трансформацией партийной системы. Эксперты указывают на неизбежное обострение борьбы различных элитных группировок за траекторию транзита. Возрастает вероятность того, что электоральный процесс также станет полем серьёзного противоборства. Это, в свою очередь, может выступить катализатором институциональных и идеологических новаций. Неспособность не только управления, но и партийной системы к адаптации чревата социальным взрывом. Наихудший сценарий Холдинг Минченко-консалтинг связывает с полной утратой партиями своего влияния и использованием населением неэлекторальных форм борьбы (экспертный доклад «Новая политическая реальность и риски антиэлитной волны в Росси»). Таким образом, элиты, включая экспертное сообщество, стоят перед серьёзным вызовом пробуждения масс.

Выводы

Даже признавая факт сформированности нации на территории РФ, в аспекте правовой государственности, политического участия и политического порядка её едва ли можно признать зрелой. Основные причины видятся в слабости обратных связей и гражданственности, безответственности политической элиты, патримониализме, сращении власти и бизнеса, электоральном авторитаризме, всё ещё не преодолённом тоталитарном и имперском наследии. Весьма противоречивое воздействие оказывают мировые тренды.

Что касается условий для создания гражданской нации, то по целому ряду параметров в настоящее время по сравнению с 1990-ми годами они более благоприятны: восстановлена управляемость территории, наблюдается высокий уровень гордости за страну, издержки «выхода» стали существенно выше и т.д. При этом рост социальной и политической поляризации препятствуют формированию широкого общественного консенсуса, а обострение международной обстановки грозит неисчислимыми бедами. Хотя соотношение облегчающих и отягчающих процесс национального строительства факторов всё ещё не в пользу первых, окно возможностей существенно расширилось. В основе лежит общественный запрос на эффективное публичное управление, республиканизм и демократию. Их формы могут быть самыми разными, однако представляется, что они должны обеспечить переход от «ненадлежащего» к надлежащему правлению (good governance).

Великодержавность, выполняющая ярко выраженную компенсаторную функцию и позволяющая правящей элите снижать издержки трансакции, всё больше связывается в сознании населения с развитием экономики и ростом благосостояния граждан. Необходимы более ясные ориентиры, нежели концепт «особого пути». Целесообразно использовать культурный код определения границ нации.

Перейдёт ли транзит власти в демократический транзит, зависит от целого ряда факторов: внутриэлитных расколов, мощности и характера давления со

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

стороны масс, способов конкуренции и политической мобилизации, динамики внешнеполитической ситуации и др. Но в любом случае устойчивое политическое развитие страны невозможно без ответа на ключевой вопрос формирования нации граждан: «Кто мы по отношению к власти?».

Аннотация: Национальное строительство традиционно является объектом пристального внимания учёных и одним из аспектов, вызывающих неослабевающий интерес, выступает взаимовлияние процессов нациестроительства и создания, развития институтов политического представительства. Актуальность исследования российского случая обусловлена не только безуспешной попыткой перейти к демократии, не опираясь на фундамент сформировавшейся политической нации, но и обостряющимся противоречием между нынешним вектором национального строительства и потребностью общества в защите прав и свобод человека и гражданина, в демократических механизмах согласования, контроля и участия. В российской историографии вопрос о национальном строительстве в постсоветской России является не только дискуссионным, но и в значительной степени политизированным. Валерий Тишков с коллегами из Института этнологии и антропологии РАН апеллируют к государственной идентичности, занимающей первую позицию в наборе идентичностей, как к ключевому маркеру сложившейся политической нации. Михаил Горшков, Владимир Петухов, Наталья Тихонова считают, что этого не достаточно. Леокадия Дробижева, говоря о национально-гражданской идентичности, отмечает, что такие важные для неё свойства как ответственность, общественно- политическая активность, доверие и гражданская солидарность, находятся в стадии формирования. Дмитрий Орешкин, Эмиль Паин указывают на то, что российское общество всё ещё не нашло ответа на ключевой для формирования общности вопрос – «Кто мы по отношению к власти?». Это, в купе с актуализацией общественного запроса на демократию, возвращает нас к проблематике демократического транзита не только в плане «транзита власти». Безусловно, в пределах относительно небольшого текста невозможно всесторонне и глубоко раскрыть проблематику российского процесса национального строительства. Основная исследовательская задача видится скорее в предложении общих рамок анализа проблемы. Помимо концептуальных оснований в тексте рассматриваются условия, факторы, а также субъекты процесса национального строительства в современной России.
Ключевые слова: политическая нация, национализм, национальное строительство, демократический транзит, идентичность.

Kwestie narodowe w postsowieckiej Rosji w kontekście „odroczonego" tranzytu

Streszczenie: Konstrukcja narodowa jest tradycyjnie przedmiotem ścisłej uwagi naukowców, a jednym z aspektów budzących niesłabnące zainteresowanie jest wzajemny wpływ procesów formowania narodu oraz tworzenia i rozwoju instytucji reprezentacji politycznej. Znaczenie przypadku rosyjskiego wynika nie tylko z nieudanej próby przejścia do demokracji, niepolegającej na podstawach uformowanego narodu politycznego, ale również z rosnącej sprzeczności między obecnym wektorem kon-

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

struowania narodowego a potrzebą społeczeństwa w zakresie ochrony praw i wolności człowieka i obywatela, w demokratycznych mechanizmach koordynacji, kontroli i uczestnictwa. W rosyjskiej historiografii kwestia tworzenia konstrukcji narodowej w postsowieckiej Rosji jest nie tylko dyskusyjna, ale także w dużej mierze upolitycznione. Walerij Tiszkow i koledzy z Instytutu Etnologii i Antropologii Rosyjskiej Akademii Nauk odwołują się do tożsamości państwowej, która zajmuje pierwsze miejsce w zestawie tożsamości, jako kluczowy marker ustalonego narodu politycznego. Leokadia Drobizheva, mówiąc o tożsamości narodowo-obywatelskiej, zauważa, że tak ważne właściwości, jak odpowiedzialność, aktywność społeczno-polityczna, zaufanie i solidarność obywatelska są w trakcie formowania. Dmitrij Oreshkin, Emil Pain zwracają uwagę, że rosyjskie społeczeństwo wciąż nie znalazło odpowiedzi na kluczowe pytanie dotyczące utworzenia wspólnoty – „kim jesteśmy w stosunku do władz?". To, w połączeniu z aktualizacją publicznego popytu na demokrację, przywraca nas do kwestii demokratycznego tranzytu, nie tylko w kategoriach „tranzytu władzy".
Oczywiście w stosunkowo niewielkim tekście nie można kompleksowo i głęboko ujawnić problemów rosyjskiego procesu budowania narodowego. Głównym zadaniem badawczym jest raczej propozycja ogólnych ram dla analizy problemu. Oprócz podstaw koncepcyjnych tekst omawia warunki, czynniki, a także tematykę procesu budowania narodowego we współczesnej Rosji.
Słowa kluczowe: naród polityczny, nacjonalizm, budownictwo narodowe, tranzyt demokratyczny, tożsamość.

To the question of the nation-building in post-soviet Russia in context of delayed transition

Abstract: National construction has been the object of close attention of scientists. One of the main aspects is how nation-building and development of political representation institutions influence each other. The Russian case is interesting because of growing contradiction between the current vector of national construction and the urgent need to protect human and civil rights and freedoms, democratic mechanisms of coordination, control and participation . The issue of national construction in post-Soviet Russia in Russian historiography is not only debatable, but also politicized. Valery A. Tishkov and his colleagues from the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences appeal to the state identity, which occupies the first position in the set of identities, as the key marker of the fully-formed political nation. Dmitry Oreshkin, Emil Pain indicate that Russian society has not yet found an answer to the key question for the formation of community – "Who we are in relation to power?" This, coupled with the actualization of the public demand for democracy, brings us back to the problems of democratic transition not only in terms of the "transit of power". Of course, it is impossible to uncover fully and deeply the Russian national construction issue within the relatively small text. The main object of this paper is to propose a general framework, conceptual foundations for analyzing the problem. The Russian conditions, factors, and subjects of national construction are in focus too. The preliminary findings should be discussed in scientific communities.
Keywords: nation, nationalism, nation-building, democratic transition, identity.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

Литература

Литература на английском языке

Bartoliny S., *Restructuring Europe. Centre formation, system building and political structuring between the nation state and the European Union*, Oxford 2005.

Destro R., *Religion, Culture, Ethnicity and Inter-Group Tension: Meeting the Challenges of Nation-Building Through Legal Policy of Non-discrimination, Religion in Public Life*, [in:] Vol. II Religion and Political Structures: from Fundumentalism to Public Service. Ed. By Jorn T. Ford, Robert A. Destro, Charles R. Bechert. Washington 2005, pp. 163–184.

Kymlicka W., *Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*, [in:] Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe, W. Kymlicka and M. Opalski (eds.), Oxford 2002, pp. 13–105.

Maffesoli M., *The Time of the Tribes. The Decline of Individualism in the Mass Society*, London 1996.

Mylonas H., *The Politics of Nation-Building: Making Co-Nationals, Refugees, and Minorities*, Cambridge 2013.

Norman W., *Negotiating nationalism. Nation-building, federalism, and secession in the multinational state*, Oxford 2006.

Smith A. D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*, New York, 2009.

Utz R. *Nations, Nation-Building, and Cultural Intervention: A Social Science Perspective* A. von Bogdandy and R. Wolfrum, (eds.), Max Planck Yearbook of United Nations Law, Volume 9, 2005, pp. 615–647.

Wimmer A., *Nation Building. A Long-Term Perspective and Global Analysis*, "European Sociological Review" 2014, Vol. 0, No. 0, pp. 1–18. DOI: https://doi.org/10.1093/esr/jcu078.

Литература на русском языке

Anderson B., *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*, Moskva 2001.

Balibar E., Vallerstayn I, *Rasa, natsiya, klass. Dvusmyslennyye identichnosti*, Moskva 2004.

Gel'man V., *Politicheskiye osnovaniya «nedostoynogo pravleniya» v postsovetskoy Evrazii: nabroski k issledovatel'skoy povestke dnya*, Sankt-Peterburg 2016.

Gellner E., *Usloviya svobody. Grazhdanskoye obshchestvo i ego istoricheskiye soperniki*, Moskva 1995.

Khlopin A., *Institutsional'naya sreda*, [v:] *Grazhdane i politicheskiye praktiki v sovremennoy Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiya institutsional'nogo poryadka*, pod red. S. V. Patrusheva (otv. red.), S. G. Ayvazovoy, P. V. Panova, Moskva 2011, s. 38, 39.

Meleshkina E. Yu., *Postimperskiye prostranstva: osobennosti formirovaniya gosudarstv i natsiy*, Polititcheskaya nauka: nauchnyy zhurnal, Moskva 2013, №3.

Modernizatsionnyy potentsial Voronezhskoy oblasti: opyt issledovaniya i usloviya realizatsii, red. A. V. Glukhovoy, Voronezh 2013.

Obshchestvennoye mneniye – 2014. Ezhegodnik, Moskva: Levada-Tsentr, 2015.

Obshchestvennoye mneniye – 2015. Ezhegodnik, Moskva: Levada-Tsentr, 2016.

Obshchestvennoye mneniye – 2016. Ezhegodnik, Moskva: Levada-Tsentr, 2017.

Obshchestvennoye mneniye – 2017. Moskva: Levada-Tsentr, 2018.

Pobrane z czasopisma Wschód Europy **http://journals.umcs.pl/we**
Data: 19/11/2026 19:13:16

Pastukhov V.B., *Prosveshchënnyy avtoritarizm i nezavisimost' suda (vozrozhdeniye konservativnoy utopii)*, „Obshchestvennyye nauki i sovremennost'" 2010, №2, s. 14–31.

Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: v 2 t. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP·EN), 2011. T.1: *Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatiy*, otv. red. I. S. Semenenko.

Verkhovskiy A., Pain E., *Tsivilizatsionnyy natsionalizm: rossiyskaya versiya osobogo puti*, [v:] Ideologiya «osobogo puti» v Rossii i Germanii: istoki, soderzhaniye, posledstviya, red. E.A. Paina, Moskva 2010, s. 171–210.

Verkhovskiy A., *Sovremennoye diskusrivnoye protivostoyaniye russkikh natsionalistov i federal'nykh vlastey*, Vestnik obshchestvennogo mneniya, №4 (110) oktyabr'-dekabr' 2011, s. 5–18.

Zhizhek S., *Shchekotlivyy sub"yekt: otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii*, Moskva 2014.

Zhiznennyy mir rossiyan: 25 let spustya (konets 1980-kh – seredina 2010-kh gg.): Nauchnoye izdaniye, red. Zh.T. Toshchenko, Moskva 2016.